

КАТЕРИНА ШАЛАЕВА,

аспирантка Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Феминистическая методология в социологии: на примере изучения стилей жизни

Abstract

The article describes the foundations of the feministic methodology in sociology. Special attention is drawn to the potential of the feministic qualitative studies. The analysis is focused on the new opportunities that feministic methodology brings into the life style research. Feministic methodology assures pluralistic scientific understanding of life styles and life-styling mechanisms.

Каждый исторический период в развитии науки характеризуется доминирующими образцами формирования научных обобщений, гипотез и выводов, а также набором определенных методов научных исследований. Накопление “критической массы” исследовательских вопросов, которые не в состоянии решить имеющаяся методология, заставляет научное сообщество обращаться к инновационным средствам проведения научных поисков, что в итоге приводит к формированию качественно нового взгляда на процессы познания действительности, институционализации новых принципов проведения исследования, то есть к формированию новой научной методологии. Научная методология изменяется в соответствии с изменениями научных парадигм. Во второй половине XX века стало очевидным, что методология, основанная на доминирующих образцах интерпретации действительности, обречена на продуцирование неадекватного знания. Тогда же начался интенсивный поиск новых методологических оснований. Этот процесс обусловил появление и развитие этнометодологии, постмодернизма, социального конструктивизма, гендерной и феминистической методологий. Но только гендерная методология сделала возможным различение множественных социальных опытов носителей разных гендеров, прежде рассматривавшихся как идентичные, а также позволила заглянуть в специфические социальные сферы бытия, представленные миноритарными жиз-

ненными практиками. Современная феминистическая методология воспользовалась достижениями упомянутых выше методологий и обеспечила возможность представить в науке женские жизненные опыты, практики и их осмысление. Феминистическая методология не является однородной, а значит, требует специального объяснения. На мой взгляд, феминистическая методология наиболее адекватна для осуществления научного исследования всего многообразия проявлений стилей жизни. Итак, целью этой статьи является раскрытие потенциала феминистической методологии в социологии. Задача заключается в освещении практики применения феминистической методологии к изучению стилей жизни на примере конкретного социологического исследования, а также в обобщении рекомендаций для дальнейшего внедрения феминистической методологии в социологию.

Генезис феминистической методологии

Первой широко известной книгой второй волны феминизма считается «Второй пол» (1949) Симоны де Бовуар, хотя пик всеобщего распространения академического феминизма как типа научного мышления приходится на 1980-е годы. Фундаментом академического феминизма выступает сосредоточение на женских опытах жизнедеятельности как отличных от мужских. Однако наряду с этим академический феминизм интересуется изменением эпистемологии, методологии и методов наук. Российские социологи-феминистки Елена Здравомыслова и Анна Темкина описывают четыре феминистических эпистемологических типа [1]. Кратко охарактеризуем каждый тип.

В 1970-х зарождается феминистический эмпиризм. Это направление ориентировано на интеграцию женской проблематики в существующие социологические методологии путем введения «женской темы» в традиционные сферы исследования, а также внедрения исследований специфически женских опытов. К течению феминистического эмпиризма относится вовлечение женщин-исследовательниц в исследовательские команды.

В 1980-х годах благодаря усилиям Сандры Хардинг, Дороти Смит, Ненси Хартсок и др. формируется феминистический позиционный подход. Исследовательницы этого направления убеждены в преимуществах женской позиции в процессе исследования женской идентичности. Основоположной для этого направления становится сфера общего женского опыта как опыта сопротивления, страданий и дискриминации. Женская точка зрения проявляется в позиции исследовательницы и других женщин, опыты которых она изучает.

Социально-конструктивистская феминистическая эпистемология, третий тип феминистической эпистемологии, опирается на идею сконструированности мира социальных отношений. Представительницы этого подхода первыми приступили к анализу процесса «формирования гендера» в результате повседневных взаимодействий. Характерными представительницами этого направления являются К.Вест и Д.Зимерман. На основе переосмысления гендерных конструктов феминистки-конструктивистки пришли к выводу о множественности женских опытов в коллективном опыте женщин и подчеркивают необходимость научиться прислушиваться и учитывать каждый индивидуальный опыт женщины.

Феминистический постмодернизм — это явление 1990-х. Сторонницы этого направления заимствуют классические концепции постмодернизма, переосмысливая, развивая и трансформируя их. Постмодернистки утверждают, что всякое знание несет на себе отпечаток ценностей и интересов познающих. Поэтому любое знание заангажированно и представляет собой механизм воспроизводства власти. Главной задачей феминистического исследования представительницы этого направления (Джудит Батлер, Элен Сиксу, Люси Иригаре) считают деконструкцию категорий гендерного порядка. Феминизм не претендует на «истинность в последней инстанции». Целью научного феминизма является формулировка альтернативного взгляда на сущность социальных явлений и структур, исследование и выяснение социальной ситуации, деконструкция табу и андроцентрированной реальности.

Феминистические исследования — это саморефлективный процесс. Маргрит Айхлер в 1980 году издает книгу «Двойной стандарт» (“The Double Standard”), в которой формулирует первую феминистическую критику социальных феминистических исследований. В 1988 году выходит еще одна книга Маргрит Айхлер «Несексистские исследовательские методы: практическое руководство» (“Nonsexist Research Methods: A Practical Guide”). Намереваясь проиллюстрировать такие методы, Маргрит выделяет семь проблем традиционных социальных исследований: андроцентризм, чрезмерное обобщение и упрощение, гендерная нечувствительность, двойной стандарт, принятие традиционных половых ролей, ориентация на семью и половая дихотомия.

Исследовательницы Г.Боулс и Р.Кляйн в начале 1980-х утверждали, что только качественное исследование (в отличие от количественного), которое ориентировано на реализацию соответствующих мер по результатам и опирается на рефлексию женских опытов, можно считать феминистическим.

Переосмысление процессов и процедур формулирования социального знания результировалось в работе С.Кирби и К.Маккен «Опыт, исследования и социальные изменения: методы с периферии» (“Experience, Research and Social Change: Methods from the Margins”). Исследовательницы обеспокоены тем фактом, что большинство людей отстранены от механизмов продуцирования знания, и предлагают собственную модель феминистических исследований, акцентируя необходимость формулировать и использовать собственные знания и проводить исследования с позиций собственного опыта.

В сборнике социологических феминистических трудов, изданном в 1988 году в США, утверждается, что язык является чрезвычайно сильным средством, поэтому женщины должны контролировать этот аспект отношений власти. Феминистки предлагают альтернативное употребление слов *woman-wimmin* (*women-wimmin*), поскольку слово «женщина» в патриархальной культуре обобщается до *wo-man* (*wo-men*), то есть «мужчина» («мужчины»).

Мегги Хамм в «Словаре феминистической теории» подвергает серьезной критике категорию «научной объективности», поскольку считает, что современное использование этой категории отягощено патриархальной целесообразностью «объективного для мужчин», чаще «необходимого в качестве объективного».

Марджори Деулт в книге «Говорить и слушать с позиции женщин: Феминистские стратегии интервьюирования и анализа» (“Talking and Listening from Women’s Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Ana-

lysis”) описывает технику, свойственную феминистическим качественным исследованиям, а именно “выслушивание”. Выслушивание — это стремление понять значения, скрытые за словами. Недооценивание техники “выслушивания” в традиционной социологии склонило феминисток к мысли о намеренном уклонении от распространения отличных точек зрения. В противовес этому существует непосредственная заинтересованность контролирующих знание в распространении собственного мнения для обеспечения отношений господства и подчинения. Исследователи всегда находятся в ситуации доминирования, поскольку обладают монополией на знание. Они распространяют власть путем контроля за ситуацией исследования, постановки вопросов, фиксирования ответов, анализа данных, формулировки выводов и рекомендаций.

Характерным эффектом влияния феминизма в социологии стало переоткрытие и переосмысление качественной методологии, которую ныне называют “качественной феминистической методологией”. Чикагская школа, которая в 1920–1930-х годах возобновила исследовательский интерес к качественным методам и первой начала массовое изучение альтернативных стилей жизни, тем не менее еще довольно долго оставалась нечувствительной к изучению женских стилей и опытов.

Кризис традиционного метода

Развитие феминистических исследований в социологии определенным образом связано с кризисом традиционной методологии. “Распредмечиванием науки”, “концом социологии”, “методологической кашей” называют некоторые национальные патриархи социологии современный междисциплинарный социологический подход, отмечает Павел Романов [2]. Между тем критика инновационного социологического мышления — явление не новое. В середине XX века, когда интерпретативная социология только набирала обороты, профанаторами социологии считали этнометодологов. Тогда их научные теории воспринимали как фальсификативные, сегодня — как фундаментальные для понимания социальных структур и социальных отношений. Феминистические исследователи приложили немало усилий для формирования междисциплинарного подхода в социологии. Для социологии междисциплинарный подход стал новым адекватным способом исследования и обобщения информации о социальной действительности. Развитие междисциплинарного подхода стало возможным наряду с внедрением качественных социологических исследований.

Наука требует знаний не только о фактах действительности, но и об их причинах. Адекватный метод поиска причин предлагает качественная феминистическая социология. Критическая оценка традиционной качественной социологии обобщается до критики репродукции субъект-объектного подхода, критики уклонения от гендерных репрезентаций субъектности тех, кто проводит исследования, отсутствия женских текстов и жизненных историй, явной склонности к позитивизму.

В свою очередь феминистические начала как принципы познания, междисциплинарный подход и качественные методы составляют фундамент современной феминистической методологии в социологии. Формирование такой методологии было обусловлено необходимостью переосмыслить социальные *взаимо-действия*, обусловленные кризисом общественного со-

знания после Второй мировой войны. Социологическое знание требовало множественных источников информации о социальных опытах и индивидуальных смыслах. Кризис общественного сознания, который коррелировал с кризисом социогуманитарных наук, заставил научные сообщества сосредоточиться на поиске нового метода изучения социальной действительности.

Возникновение академического феминизма, феминистической парадигмы и феминистической методологии — это один из результатов научной революции в Куновском смысле. Меняется содержание социальных наук, прежде всего ответ на вопрос, что следует считать социальным фактом. Однако этот вопрос политический. По мнению Куна, решающую роль в утверждении научных парадигм играют вненаучные факторы — конкуренция научных сообществ и реальный социальный контекст. Очевидно, в этом состоят причины отрицания в современной украинской социологии феминистических практик и их осмысления.

Феминистическая критика господствующей социологической методологии рассматривает процедуру проведения социологических исследований как “подбора фактов” наблюдения под исследовательские гипотезы. Позже социологическая “правда” утверждается в ходе организованных дискуссий. Такой консенсус определяет, что относится и что не относится к знанию. В рамках научного *взаимно-действия* все осуществляется в соответствии с установленными процедурами и правилами. “Патриархи” социологии решают, насколько феномен, предложение, открытие отвечают уровню научных знаний.

Хотя вопрос “правильного выбора” в научной дискуссии не нов. Социология всегда пребывала в похожем контексте. Основатель функционалистской социологии Питирим Сорокин так вербализировал эту проблему в своих лекциях: “Сколько социологов — столько социологий” [3]. Стоит прислушаться к одному из “отцов”: феминистическая социология имеет право на признание со стороны украинского социологического сообщества.

Кризис национальной социологии — это результат репродуцирования рутинных социологических практик, отказа от инновационного мышления, опоры на шаблон и капиталы: экономический, политический и, прежде всего, символичный. Социальные ученые считают себя говорящими фундаментальные вещи, пишут Меган Хуг и Хьюстон Вуд [4].

Исследования, которые проводятся вне рамок диссертаций, выполняют преимущественно студенты или другие интервьюеры, не входящие в исследовательскую команду. Именно они “выходят в поле”. Но даже минимальный контакт их с повседневным миром опосредован техническими инструментами — экспериментом, интервью, опросом. Социологи предполагают, что таким образом контакт с повседневностью будет упорядочен, и нередко считают, что “настоящая работа” начинается после возвращения в офисы.

Традиционная “количественная школа” в социологии ориентирована на то, чтобы задавать вопросы респондентам. Вопросы социологического инструментария в количественном исследовании заведомо определены и отражают реальность их авторов. Ожидается, что респонденты угадают знаки, зашифрованные в вопросах анкеты. Кроме того, авторов в социологическом исследовании, как правило, больше одного. Поэтому уже сам социологический

инструментарий оказывается отягощенным множественными социальными реальностями, интерпретациями и идентичностями авторов исследования.

В массовое поле выходят *не-авторы* социологических программ, а значит, добытые полевые данные получены сквозь призму “добавленных сознаний” интервьюеров.

Созданием электронных массивов данных занимается третья группа людей, привлеченных к проведению социологического исследования. Группа кодировщиков не является однородной. Ее задача заключается в проделывании очередных манипуляций с “объективными данными”. Даже помимо случайных ошибок введения данных закрадывается системная ошибка интерпретаций и соотнесений ответов респондентов на открытые и полукрытые вопросы анкеты. Поскольку над введением данных работает группа кодировщиков, понятно, что конечный результат — электронный массив данных — содержит отражение переплетенных идентичностей и выборов.

Последний этап социологического исследования — анализ и интерпретация полученной информации. Массив социологических данных в своем новообразованном виде с личностными вкладами участников проведения социологического исследования попадает, как правило, к разработчикам социологической программы. Они проводят обработку и обобщение результатов исследования. Обратите внимание, что эмпирические индикаторы считаются свидетельствами “факторов” и “причин”, никогда непосредственно не наблюдавшихся в ситуации сбора данных. Удивительно, как в таких условиях процесс массовых социологических исследований претендует на достоверность? Эмпирический индикатор — это лишь видимый знак того, что существуют некие невидимые характеристики человека или группы. Традиционная сексистская методология в социологии делает невозможным непосредственное измерение актуальных социальных явлений. Более того, подобные дескрипции основаны на многоуровневой прогрессии с возрастанием абстрагирования от реальной жизни социальных субъектов¹.

В отличие от этого наблюдение реальных действий людей способствует разработке научных понятий, касающихся текущим процессов в социальной реальности. Эти понятия Хоманс называет “абстракциями первого ряда” для обозначения наблюдений “одного класса”. Хоманс критикует социологов за ориентацию на “абстракции второго ряда”, то есть наблюдений “нескольких классов” одновременно. Например, статус и роль постоянно используются социологами для описания социальной структуры, однако понятно, что невозможно непосредственно наблюдать статус и роль. “Статус” и “роль” — это абстрактные имена, охватывающие многочисленные типы и классы случаев в социальных группах. Поэтому Хоманс предлагает социологам оставить умные слова социальной науки и снизить до уровня непосредственного наблюдения, основанного на здравом смысле. После этого можно снова подняться, имея надежные ступени, пишет Хоманс.

¹ По предложению редакции я частично отказалась от использования гендерночувствительного языка в статье. В тексте “социальный субъект”, “исследователь”, “респондент” и т.п. относятся к представителям как мужского, так и женского гендера (*прим. авт.*).

Систематизации всегда представляют собой исследовательские конструкции. Исследовательская конструкция — это всего лишь отдельная модель реальности, отраженной сквозь призму субъективного восприятия и знакомства с действительностью автора модели. Поэтому кризис науки всегда субъективен. Кризис науки не существует вне его осознания. Только осознание кризиса социологического метода позволяет интенсифицировать проведение исследований с целью развития нового познавательного метода (или методов) в социологии, основу которого заложили феминистические исследования.

Опыт феминистического эмпирического изучения стилей жизни

Не прекращается научная дискуссия о том, как определять содержание социологической категории “стиль жизни”. Дискуссия разворачивается на пересечении общенаучных подходов и социологических парадигм, в столкновении разнородных мировоззренческих позиций. Стиль жизни определяют как способ оперирования индивидов в социальном мире, как индивидуальный или массовый способ потребления, как механизм приспособления к социальным условиям или как личностно-психологическую надстройку над образом жизни. Каждое конкретное теоретическое толкование категории “стиль жизни” требует применения специфического методологического подхода к эмпирическому изучению проявлений стиля жизни как социального явления. Предлагаю использовать потенциал феминистической методологии.

Буду называть “стилями жизни” обобщенные повседневные социальные практики людей и групп. Повседневное участие человека в социальных *взаимо-действиях* способствует переосмыслению социальной информации и социальных опытов. Переосмысление вовлекается в процессы формирования повседневных социальных практик, в итоге стили жизни индивидов и групп изменяются. Изменение стилей жизни происходит непрерывно. Каждый новый фрагмент социального опыта смещает векторы социальных *взаимо-действий* человека, влияет на социальные оценки индивида, способы его поведения и мышления. Социальные *взаимо-действия* и опыты их переосмысления формируют специфические социальные практики, которые я и называю “стилями жизни”. Углубление в процессы и формы разворачивания стилей жизни делает возможным качественная феминистическая методология.

Для изучения многообразия проявлений стилей жизни феминистическая методология рекомендует применять неструктурированные или полуструктурированные глубинные биографические интервью. Энн Уокли называет интервью “инструментом социологии для женщин”. Для проведения исследования методом глубинных интервью составляют программу социологического исследования согласно требованиям качественной социологии. Главным из них является четкое понимание того, каким образом будет проводиться исследование, то есть осознание исследовательских стратегий — понимание цели исследования, определение логики исследования, выбор методов и формулирование структурных вопросов. Важная особенность феминистических качественных исследований — предотвращение выдвижения гипотез о причинах или условиях тех или иных социальных опытов. Традиционный способ выдвижения гипотез в количественном исследовании вытесняет новая форма структурных вопросов качественного феминистического исследования.

Одно из отличий качественного исследования от количественного состоит в том, чтобы избежать массовости. Для проведения качественного исследования выделяют определенную социальную группу, воображаемую или реальную, для которой составляют сценарий интервью, определяют исследовательские стратегии. Каждую группу, попадающую в фокус качественного исследования, изучают касаясь ее социальных опытов приемами. Конечно, изучать группы женщин и мужчин, молодежи и пожилых людей, детей и родителей, ученых и рабочих, администрацию учебных заведений, преподавательский состав и студенчество, беспризорных, проституток, одиноких матерей, инвалидов, культурные и языковые меньшинства, сельское и городское население, лиц с альтернативными сексуальными практиками, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, государственных служащих и предпринимателей, художниц и художников мы будем на основании разных исследовательских стратегий.

Для характеристики возможностей качественной феминистической методологии приведу пример исследования “Стили жизни молодежи”, проведенного автором в 2003 году. Целевая группа исследования определялась как молодежь женского и мужского гендеров, проживающая на территории Украины и представляющая возрастную когорту 18–28 лет. Предметом исследования выступало проявление стилей жизни целевой группы в дискурсивных практиках. Целью исследования было выяснение характеристик дискурсивных проявлений стилей жизни целевой группы исследования. К основным задачам исследования относились разработка и применение гендерночувствительного инструментария исследования и гендерновзвешенных подходов к анализу данных.

Для формулировки программы эмпирического исследования автор соотнес свой подход с идеями, высказанными в коллективной монографии “Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы” [5]. В этой монографии авторы выделяют три показателя, согласно которым осуществляется социологическая оценка стилей жизни. Речь идет о: 1) идеальных или желаемых стилях жизни; 2) реальных стилях жизни, то есть осуществляемых в повседневной жизни; 3) нормативных стилях жизни, отвечающих общественным требованиям к социальному поведению. В частности, Е. Головаха и Н. Панина формулируют понятие “идеальный стиль жизни”, рассматривая его в соотношении с реальным стилем жизни [5, с. 268]. На основе показателя нормативности было выделено понятие “двойной стиль жизни”, проявляющийся в противоречии между демонстрируемой жизнью и скрытой, поскольку социально осуждаемой. Исследование стилей жизни молодежи, проведенное автором, также было сосредоточено на выяснении долей нормативного, идеального и реального в композициях стилей жизни.

Сценарий интервью разделялся на четыре основных блока: “жизненные циклы”, “референтные группы”, “жизненные ценности и мотивации”, а также “социальные институты и социальные организации”. Цель такого разделения заключается в достижении максимальной репрезентативности стилеформирующих факторов, в отражении максимально возможного поля личностных рефлексий, системном раскрытии всех сфер жизнедеятельности человека, обеспечении плюралистичности исследовательского взгляда.

Основу любого биографического исследования составляет определение периодизации жизни. Для выбранной целевой группы исследования были

определены наиболее существенные жизненные циклы: детство (младенчество), подростковый возраст, молодость, зрелость. Понятно, что младенчество не может быть осознаваемым биографическим периодом, однако может послужить нерелексивным определяющим фактором в формировании социальных мотиваций и навыков поведения. Период младенчества изучался путем постановки ретроспективных вопросов относительно биографических рассказов родителей и других взрослых, касающихся младенческого периода респондента, а также путем постановки вопросов о жизненных практиках родителей или других соответствующих взрослых в период младенчества респондента. Подростковый возраст связывается в исследовании с процессами школьной социализации, а также с осуществлением первых личностных выборов и осознанием принадлежности к конкретным социальным группам, в частности группе ровесников. Период молодости — это время получения специального образования. Существенным оказывается влияние этого периода на переосмысление ценностных ориентаций. Зрелость — это период первого места трудоустройства и первых попыток реализации карьерных планов, период создания собственной семьи.

Влияние референтных групп составляет один из главных механизмов формирования стилей жизни. В зависимости от интересов исследования были образованы четыре референтных группы: “друзья”, “родители”, “коллеги”, “звезды”. На основании анализа результатов исследования прослеживается характерное различие между “друзьями” и “знакомыми”. “Знакомые” — это в основном коллеги, хотя и не всегда. “Друзьями” иногда оказываются родители. “Дружба” определяется как преобладающее позитивное эмоциональное отношение. “Звезды” в исследовании репрезентировали “символических других”, эталоны для подражания. Референтная группа “звезд” не ограничивалась сферами политики, бизнеса, спорта, искусства, религии.

Следующий блок вопросов касался жизненных ценностей и мотиваций. В сценарии интервью автор старался предусмотреть весь возможный спектр социальных ценностей и мотиваций. Во время интервью, однако, акцентировались преимущественно те вопросы, в которых респонденты считались социально компетентными, то есть проявляли способность обосновать свои суждения или обобщить широкий социальный контекст. Среди показателей жизненных ценностей и мотиваций были выделены следующие: благотворительность (ориентация на благотворительность, участие в благотворительной деятельности); вера (оценка веры как общей жизненной ориентации, а также религиозная вера как практикование культов); власть (отношение к власти как к ресурсу, наделенность властью, осуществление практик властного распоряжения); собственность (оценка собственности, отношения собственности); деньги (ориентации на источники их получения, способы расходования, сбережения, “философия денег”); девиантное поведение (определялась оценка собственного поведения как “девиантного”, резонирование с нормами; под девиантным поведением в рамках исследования также понимались вредные привычки); делинквентное поведение (оценка проявлений делинквентного поведения в обществе, опыт собственных делинквентных действий); опыт насилия (насильственные действия, непосредственно направленные против данного лица, наблюдение за проявлениями насильственных действий, осмысление насильственного поведения, “комплекс жертвы”); дети (оценка социального статуса детей как социальных агентов, ориентации на

будущее детей); досуг (способы проведения досуга, легитимации практик досуга); опыт (оценка опыта как социального капитала, нарративы о собственном жизненном опыте, знание как опыт); экология (ориентации на здоровье и “экологическое поведение”); шутки (отношение к шуткам, содержание шуток); женскость (конструирование, оценка, визуальные и вербальные проявления); конформность (большинство, меньшинство, популярный дискурс, общественное мнение); искусство (ориентации, вовлеченность, предпочтения, влияния, определение содержания); мода (ориентации, подражание); мечты (содержание, источники); мужество (конструирование, оценка, визуальные и вербальные проявления); нормы (законность, традиционность); партнерство (дружба, любовь); престиж (ориентации, способы конструирования, распределение затрат, символическая нагрузка); пространство (частное, публичное, природное, технологическое, социокультурное); свободы (содержание, практики осуществления), секс (оценка, символы, значение, чувства, эротика, порнография, проституция); вкус (конструирование, оценка); потребление (приобретение, желания, перераспределение); стиль (понимание, знаки); страхи (тревоги); время (личное, общественное, историческое). Исследовательская ориентация на неисчерпаемый список жизненных ценностей и мотиваций, влияющих на определение жизненных практик людей и осуществление поведенческих выборов, позволила более полно отразить процессы формирования стилей жизни индивида.

Четвертый блок вопросов, содержащихся в исследовании “Стили жизни молодежи”, представляют оценки влияний социальных институтов и социальных организаций. Основной задачей этого блока вопросов было выяснение влияний социальных институтов и социальных организаций на формирование стилей жизни молодежи. Среди дополнительных задач намечены такие: обратить внимание на процессы трансформации социальных институтов и социальных организаций, изменения их форм, функций и легитимаций, а также на влияние названных трансформационных процессов на формирование стилей жизни. Среди социальных институтов и социальных организаций были выделены: армия, отцовство, бизнес (предпринимательство), общественные объединения (функциональность, целесообразность, участие), государство, закон (знание, оценка, ориентации), СМК (наряду с другим выделены привычки и ориентации на Интернет и мобильную связь), образование (школа, университет), политика (глобализация, бедность), религия, семья, судопроизводство (правозащита), церковь, брак.

Предложенный подход к изучению стилей жизни позволил максимально привлечь к описанию и анализу в исследовании многообразие проявлений стилей жизни молодых женщин и мужчин, а также избежать “проблемы предположения”. Свободный разговор был направлен на получение откровенных индивидуальных оценок и суждений. Исследование имело целью поиск и раскрытие индивидуальных смыслов, которые определяют вербальные и практические действия людей. Многие исследовательские стереотипы, усвоенные благодаря ознакомлению с социологической литературой и повседневному опыту, удалось преодолеть в ходе проведения интервью. Данное исследование представляет собой первую попытку в национальной социологии ввести качественные методы в изучение стилей жизни, а также переосмыслить полученное знание с позиций феминистической парадигмы в социологии. Часть результатов исследования отражена в статье

“Стратегии социальной работы с молодыми женщинами” [6]. Другие результаты готовятся к печати в виде отдельных статей.

Феминистические подходы к интерпретации социологической информации

Важным этапом осуществления феминистического исследования стилей жизни является интерпретация полученных данных. По классификации М.Вебера, интерпретативное понимание состоит из двух этапов. Первый этап охватывает “понимание того, что наблюдается непосредственно”, то есть типичные количественные позитивистские исследования. Вторым этапом, “объяснительное наблюдение”, характеризуется направленностью на понимание смыслов, которые человек вкладывает в собственные практические или вербальные действия. Индивидуальные смыслы фиксируются и интерпретируются в качественном исследовании.

Актуальной для внедрения инновационной практики построения социологических интерпретаций с позиций феминистической методологии представляется позиция Новой критики Суламифь Рейнгарц, согласно которой читательницы и читатели конструируют содержание текста исходя из собственных контекстов. Метод Новой критики требует углубления в изучение жизненных практик респондентов, а не простого фиксирования их ответов. Этим методом воспользовалась и я при анализе результатов собственного исследования.

Феминистическая методология определяет два уровня субъективных значений: субъективные значения респондента и субъективные значения исследователя. Респонденты кодируют информацию в собственных кодах (внутренних символических содержаниях), исследователи расшифровывают — в собственных значениях. Социальный контекст структурирует первичное видение предмета исследования, а также возможности его обобщенного анализа. Критическое исследовательское суждение формируется в сравнении с позицией имеющегося социального знания. Задача феминистического исследования — изучение совокупности имеющихся социальных практик и прогнозирование будущих процессов институционализации и трансформации с позиций феминистической парадигмы с применением феминистической методологии.

Феминистическое исследование проводят исследователи, придерживающиеся феминистических позиций. Крайне важны тут гармоническое соотношение личностных ценностей исследователя и методов феминистического исследования. Успех феминистических исследований обеспечивают использование адекватных проблеме и целевой группе методов проведения исследования и плюралистические исследовательские интерпретации.

Присутствие субъектных позиций исследователя и респондента в феминистическом исследовании играет определяющую роль. Уважение к субъектной позиции респондента определяется тем, что феминистическое исследование не ограничивает пространство субъективных интерпретаций респондентов формализованными рамками социологического инструментария. Вместе с тем субъектная позиция исследователя выражается в проекции личностного опыта в исследовании. Отличительная особенность феминистических исследований заключается в признании и привлечении субъективности исследовательницы и исследователя к организации и проведе-

нию исследования. Так формируется “новая мораль исследования” — феминистическая мораль, когда исследовательница-феминистка и исследователь-феминист ориентированы на установление неиерархических и открытых отношений, а также готовы выражать собственную идентичность в процессе исследования.

Как отмечает Суламифь Рейнгарц, рефлексивное отношение к процессу исследования — от формулировки проблемы до изложения результатов — определяет психологические вопросы (почему я начала это исследование?) и проблемы контекста (к каким межличностным или структурным последствиям приведет исследование?) [7]. Феминистическая методология подчеркивает рефлексивное отношение к пониманию контекстов.

“Блуждание” — это еще один феминистический метод изучения социальной реальности, социальных опытов и смыслов других людей, а также индивидуальных смыслов исследовательницы. Быть исследовательницей-путешественницей означает обладание “своим я” и обладание своим телом, отказ от голоса “бестелесной объективности” и помещения себя в пространство и время. Автор теории “номадичной идентичности” Розы Брайдотти доказывает, что номадичная идентичность исследует создание сочетаний, объединений, коалиций и взаимосвязей [8, с. 36]. Блуждание — это путешествие по миру и в мыслях, это смена места, это путь к новому опыту, к новому осмыслению.

Отказ от метанарративов представляет собой сознательную позицию исследовательницы в плане понимания ограниченности любого знания. Исследовательница ищет ответы на вопросы, с помощью которых объясняет фрагмент социальной реальности, конкретное явление, факт, ситуацию. Отказ от метанарративов сопровождается избеганием бинарных оппозиций, исследовательский поиск направлен на конструирование плюральных содержаний множественных структур.

Феминистические качественные исследования углубляются в уникальные индивидуальные опыты, которые обычно невозможно проверить или повторить. Поэтому основная ориентация феминистических исследований направлена на валидизацию субъективного опыта женщин. Это достигается путем переосмысления основ научных методологий, разработки и внедрения новых методов, переосмысления цели научных исследований и задач науки, пересмотра мировоззренческих оснований деятельности научного сообщества. Женский опыт осмысливается как неоднородный и поливариантный. Признается общая социальная компетентность женщин как носительниц уникальных социальных опытов. Задачей феминистического исследования становится реконструкция гендерных отношений в разных контекстах с использованием различных систем репрезентаций. Феминистические исследования призваны освещать субъективный опыт всех женщин и каждой в отдельности.

По мере развития феминистической эпистемологии становится понятным, что социальные позиции и опыты женщин различаются по классовым, расовым, возрастным, профессиональным, образовательным, сексуальным и прочим признакам. Эти социальные признаки влияют на формирование локальных коллективных женских опытов. Отказываясь от общей категории “женщины”, социальные конструктивистки предлагают фокусировать исследовательское внимание на конкретных опытах, например, успешных женщин, одиноких матерей, лесбиянок и др. Феминистическая социология

расширяет предмет социологических исследований. В исследовательский фокус попадают новые, не изучавшиеся ранее опыты и практики — чувства, беременность, женская сексуальность.

Феминистическое качественное исследование предотвращает ошибку обобщения, которую Э.Богардус называет “партикуляристской ошибкой” [9]. Партикуляристская ошибка заключается в том, что характеристики одного или нескольких индивидов в группе либо категории обобщают до характеристик всей группы или категории. Партикуляристские ошибки Богардус относит к стереотипным. В качестве примера партикуляристской ошибки можно назвать определения “женской работы” или “мужской ответственности”.

Союзнницей партикуляристской ошибки Богардус считает “ошибку группирования”. Ошибка группирования возникает тогда, когда человека оценивают на основании реальных или вероятных моделей, типичных характеристик или поведения определенной категории или группы. Персональные характеристики человека при этом не учитываются. Например, “ты как все” или “они хуже нас”.

В свое время Георг Зиммель отмечал, что дискуссии о женщинах оперируют понятиями, так или иначе связанными с мужчинами в смысле реального, идеального или ценностного критериев. Женщин реферируют к мужчинам, а женское — к мужскому. Однако “мужчины и женщины по-разному реагируют на одну и ту же социальную реальность”, — подчеркивает Владимир Ядов [10, с.46]. Поэтому сведение женского опыта к мужскому является социологически необоснованным. Роберта Голдберг подвергает сомнению достоверность подхода, при котором жене приписывают социальный класс ее мужа, поскольку женщина может иметь иное классовое сознание.

Феминистская эпистемология — это фундамент созидания женской модели социальности и женской социальной истории. Элен Сиксу настаивает на технике “мятежного письма”, выражающейся в описании себя. Самоописание позволяет женщинам осуществить необходимый прорыв в понимании женской социальности и изменить ход собственной истории. Цель такого письма — отрицание “всегосподствующего логоса” и формирование новой логики, альтернативной фаллоцентрическому монологу. Феминистическая эпистемология дает возможность переосмыслить весь женский род, во всех его формах и всех стадиях телесности.

Поскольку публичный язык, в частности язык научных дискурсов, не рассчитан на женские опыты, женщинам приходится переводить свои опыты на чужой язык или искать альтернативные пути самовыражения и самопроявления. Для преодоления этой исторической тенденции важное значение имеют полевые исследования женских социальных опытов, в результате которых повседневный язык женщин переносится в научные дискурсы. Признание научной легитимности повседневного языка женщин представляет собой очередную задачу. Задача современной феминистической социологии заключается в развитии феминистического языка и терминологии и формировании собственного женского научного стиля.

Это задачи разрешаются благодаря способности женщин к “выслушиванию”. В своих работах феминистки обосновывают способность женщин к эффективной коммуникации [11], что обеспечивает успешность применения метода интервью. Рекомендацией к проведению феминистических исследований является соответствие пола исследовательницы и респонден-

тки (исследователя и респондента) в ходе проведения интервью. Соответствие пола позволяет снизить “желательность” ответов. Зависимость ответов респондентов от пола тех, кто проводит исследование, была названа респондентами в исследовании “Стили жизни молодежи” изменяющей содержание высказываний. Помимо этого, Робин Лакофф утверждает, что в 10-летнем возрасте, когда происходит распределение на однополые группы ровесников, уже имеют место различия двух языков — женского и мужского. Поэтому необходимо, чтобы общение между исследовательницей и респонденткой (исследователем и респондентом) осуществлялось на одном языке. Общий язык исследовательницы и респондентки (исследователя и респондента) обеспечивает адекватное научное осмысление. Углубленное изучение этого вопроса является дальнейшей задачей.

Следует помнить, что всякое научное объяснение правильно только в рамках определенной системы интерпретаций, напоминает Ирина Девятко [12, с. 24]. Саморефлективная феминистическая методология признает этот принцип как исходный в осуществлении социологического анализа.

Выводы

Феминистическая методология обогащает предмет науки социологии благодаря введению в фокус научного анализа “невидимых групп”, каковыми являются женщины, и скрытых механизмов социальных взаимодействий, таких как гендер. Обогащение предмета науки позволяет расширить пространство социологически вероятного и сформулировать научно обоснованные интерпретации. Социология как теоретическая наука отличается полипарадигмальностью. В ней сосуществуют разнородные представления о ее предмете, исходных принципах построения социального знания.

Феминистическая методология в социологии представляет организованную по определенным принципам стратегию применения методов, процедур и приемов подготовки и проведения социологических исследований, а также анализа и представления полученных социологических фактов. Принципы феминистической методологии не ограничиваются признанием субъектности респондентки как источника знаний о действительности; представленностью субъективности исследовательницы в процессе интерпретации социологической информации; ориентацией на личностные смыслы; репрезентацией коллективного женского опыта; отказом от метанарративов; саморефлексированием; “путешествием” и т.п. Фундаментальными принципами феминистической методологии, на которые опирается эта статья, стали утверждение новой логики исследований, альтернативных фаллоцентрическому монологу, направленность на деконструкцию дихотомных матриц и развитие новой исследовательской морали.

Важную роль в подтверждении валидности социологического знания играет постоянное соотнесение научных дискурсов с повседневными практиками. Феминистическая методология обобщает критерий адекватности знания путем формулирования новых индикаторов, связанных с повседневными практиками жизни всех действующих субъектов и субъектов, уделяя особое внимание “невидимым группам”.

Особенности изучения стилей жизни средствами феминистической методологии дают возможность отразить в результатах исследований гендерночувствительный субъективный опыт. Разговор с респондентами проис-

ходит на одном языке, что делает возможным понимание жизненных контекстов и опытов. Изучение стилей жизни с помощью феминистической методологии способствует избеганию субъективной оценки, углублению в немассовый опыт, пониманию выборов стилей жизни и стилеформирующих факторов. Феминистическая методология впервые в социологии акцентирует женские социальные опыты и женские стили жизни. Феминистическая методология предполагает гибкое понимание “маскулинного” и “фемининного”, поскольку благодаря феминистической методологии достигается выход за пределы дихотомии мужского–женского и поэтому можно видеть, признавать и изучать другие гендерные идентичности. Феминистическая методология ориентирована на изучение межличностных влияний в формировании стилей жизни, а также на определение уровня осознания этих влияний.

Феминистическая методология делает возможным освещение основных черт стилей жизни и стилеформирующих факторов, не предусмотренных исследовательской программой, описание и обозначение стиля жизни голосами респонденток и респондентов. Феминистическая методология избегает проблемы позитивной и негативной модальности стилей жизни. Понимание “социальных отклонений” неотъемлемо от понимания социальных опытов и структурных позиций. Анализ стилей жизни опирается на изучение семейной истории. Наконец, феминистическая методология позволяет сопоставлять традиционно несопоставимые вещи, что ведет к углубленному и плюралистическому пониманию социальных процессов, явлений и тенденций социальной реальности.

Литература

1. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Учебник по гендерным исследованиям. — Харьков, 2001. — <http://www.eu.spb.ru/gender/publications.html>.
2. *Романов П.В.* Микроуровень социальной реальности. Возможности междисциплинарного подхода // Социологические исследования. — 2002. — № 3. — С. 28–33.
3. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
4. *Hugh M., Wood H.* The Reality of Ethnomethodology. — N.Y., 1975.
5. *Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы.* — К., 1982.
6. *Шалаева К.* Стратегії роботи з молодими жінками // Соціальна робота в Україні: теорія і практика. — 2003. — № 4. — С. 109–119.
7. *Рейнхарц С.* Феминистское мультиметодное исследование // Введение в гендерные исследования : Хрестоматия. — Харьков; СПб., 2001. — Ч. 2. — С. 364–385.
8. *Braidotti R.* Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. — N.Y., 1994.
9. *Bogardus E.S.* Sociology. — N.Y., 1954.
10. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М., 1998.
11. *Клименкова Т.* Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных. По страницам статьи М.Девулт // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях : Материалы семинаров / Под ред. М.Малышева. — М., 1997. — <http://gender.ru/russian/public/articles.html>.
12. *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования. — М., 1996.